

Андрей Страфагирь

Хроники понедельника

16+

Андрей Страфагирь.
Хроники понедельника

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Страфагирь. А.

Хроники понедельника / А. Страфагирь. — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Альтернативная история недавнего прошлого. Всегда на сцене - блестящие ораторы, мудрые вожди, эффективные эксплуататоры трудового народа, весёлые казнокрады, легендарные шпионы, красавчики и красавицы, герои и чудовища. Добро пожаловать в мир вечного понедельника.

Хроники понедельника

Понедельник первый

1. «В некотором царстве, в некотором государстве...»

2. «Вроде не бездельники и могли бы жить.

Им бы понедельники взять, да отменить»

Со дня основания... С понедельника, с понедельника. Можно, конечно, было и со среды, или, даже, с четверга. Но, некоторые всерьёз полагают, что DER ORDNUNG важней, чем народные суеверия.

Со дня основания сыскного агентства «Максим Максимыч и Штырц», редкий, как красная рыба в местном пруду, посетитель одноэтажного особняка дореволюционной постройки нарушал его, расфасованные по комнатам и коридорам, тишину и покой.

Что может сказать это худосочное обстоятельство пытливому уму, томящемуся в тесной темнице бедовой головы? Жеребец-производитель жареных новостей, катастрофических сенсаций и сенсационных разоблачений, штатный борзописец бульварного листка «Антоновский комсомолец» Леонид Бесплотных подложил как-то в застой межсезонья, когда писать было не о чем и не о ком, рабочую гипотезу, с большими видами на грандиозный скандал; мол де агентство является «крышей», легальной маскировкой подпольной организации ветеранов КГБ, промышленяющих на пенсии факультативами для криминальных структур.

Подлог хороший. В общей картине социального и экономического коллапса – правдоподобный. Жаль, доказать свою смелую фантазию, Леонид не успел. Прямо в кабинете главного редактора, он был застукан и прибит очередным конфликтным столкновением своих неизлечимых маний. Мания преследования схлестнулась с манией величия, при сопутствующей жертве.

*** **

Антон – дальний пригород столицы, отстоящий в стороне от Больших дорог, Великих Иллюзий и Глобальных Разочарований, издавна слыл местом тихим, уютным, полезным для здоровья, почти курортом.

Бум переселения состоятельных людей из мегаполиса на природу, к речкам, траве и свежему воздуху, ещё не наступил. Возможно потому, что в то время состоятельные люди как класс не сложились. Следовательно, о, надвигающемся на него, блестящем будущем, Антон тогда даже и не грезил. Не подозревал он также о том, что будничным утром 199.года внутри его административных границ, точнее сказать, в кабинете Максим Максимыча и Штырца, безостановочный маховик судьбоносных перемен вдруг замер, предвещая новое, совершенно непредсказуемое, направление.

Максим Максимыч, молодежавый мужчина, волнующего домашнего образца социал-демократа 1900, не то врач, не то учитель, которому хочется потыкаться в жилетку лицом, умытым слезами, с показным радушием внимал персонажу, чьи манеры, внешность и жестикация оживляли карикатурный образ неприкасаемого реформатора «я стоял на баррикадах у Белого дома!». Пыльные столбы давно немых волос на голове, жидкая бородёнка, с застрявшими в ней, крошками еды. Застарелые угарные пары, пронзительные голубые глаза, высверливающие на безупречном костюме ММ сквозные дыры.

– Я чувствую, я знаю! Это пахнет заговором!

– Так уж и заговором?

– Государственным переворотом, ГКЧП! Путчем!

– Свиным! – Отредактировал Штырц, суровый мужчина с чертами лица, словно рубленными из куска арктического льда.

– Что? – Не понял человек.

– Свиным путчем! – Уточнил Штырц.

– Почему?

– Потому что путч – это как грипп, птичий, свиной. Путч нельзя отменить, им можно только переболеть.

– Да? – Опешил человек и несколько мгновений растерянно хлопал на Штырца глазами.

Штырец любил юмор. Чёрный юмор. Штырец любил пошутить в самых неблагоприятных и неуместных обстоятельствах. При этом лицо его никогда не озарялось улыбкой или её подобием.

– Демократия в опасности. – Неуверенно продолжил человек. – Я помощник пресс-секретаря Госдумы. Я знаю, о чём говорю.

– Да! – Согласился Штырец. – Это всегда важно знать, о чём говоришь.

– Вы меня не слушаете.

– Слушаем, слушаем. Внимательно слушаем.

– Яйцо пропало.

– Яйцо? Какое яйцо? Фаберже из Эрмитажа?

– Хрустальное яйцо Кошейки Бессмертных. Надеюсь, вам не надо объяснять, кто у нас Кошейко Бессмертных?

Максим Максимыч посмотрел на Штырца. Штырец посмотрел на Максим Максимыча. Оба они, Максим Максимыч и Штырец посмотрели на человека. Человек от напряжения взорвался.

– Нет, – сказали ММ и Штырец. – Не надо.

1. «Демократия, это, я вам скажу, не одна только задница с человеческим лицом. Демократия, это есть также и другие разные пикантные места, предместья и местечки»

2.« Нам бы в рожу, нам бы в рожу!

Нам бы в рожу плюнуть вам!»

Тараща глаза, как чучело с полки Кунсткамеры, глотая воздух ртом (аэрофагия?), Иван-дурак прокладывает дорогу тухлому камешку в огород Змея Горыныча. – Мне трудно дышать в одном помещении с красно-буро-коричневыми. Господа, я задыхаюсь!

Змей Горыныч похож на государственный герб, но выглядит мужественнее, потому, что три головы больше, чем две.

– У меня сезонная линька, а, вообще-то, я зелёный. – Объясняет он столь политически сложную масть.

– Линька? Какая линька? Как это может оправдать ваше жульничество?

– Извините, я не понимаю, о чём вы?

– О вашем подлоге. Вы голосуете то за одного депутата, то за двух, то за трёх. Как это возможно и допустимо?

– У меня три головы. Было бы странно, если бы во мне всегда царил единогласие. Поскольку к своей работе парламентария я подхожу со всей ответственностью, то я не могу игнорировать ни одно своё мнение. Головы мои имеют равные права.

– На каком таком основании? Мандат выдаётся не на головы, мандат выдаётся на седалище. Одно седалище, три головы, один мандат, один голос. У меня, например, одна голова и два, через дефис, имени. Но разве это повод умножать себя как депутата надвое?

– Вот уж никогда не думала, что «дурак» – это имя. – Высказывает скромный интерес Баба-Яга. – Всегда считала, что это – либо профессия, либо характеристика.

Иван-дурак обижается. Обидчивый, да?

Закадычный друг его, Иван-солдат спешит на выручку. – Попрошу минутку у уважаемого собрания. Баба-Яга она того, то есть вообще! – Косноязычен Иван-солдат. Что поделывать? Всего образования – ускоренный курс родной речи по уставу внутренней службы. – Она, значит, это. Ну!

– Ваши доказательства? – Требует Лих Одноглазый.

– Я видел её в заведении мадам Бегемотовой! Вот! – Выпаливает Иван-солдат. Василиса Премудрая, Елена Прекрасная и Марья Моревна дружно краснеют.

– Ну и что? – Удивляется Верка Махерка, которая ещё в отрочестве утратила способность краснеть, так же, как и бледнеть.

– Она пила водку на халяву. – Удивляет уважаемое собрание Иван-дурак. – Не закусывая.

– А сами-то вы, молодые люди, что делали у госпожи Бегемотовой? В гости зашли? – Любопытствует с намёком на пикантность Шухер Заневский.

– Мы? – Смущается Иван-дурак.

– Мы вместе были на презентации нового сезона. – С апломбом сообщает Иван-царевич.

– Не понимаю, в чём вы обвиняете нашего коллегу, то есть Бабу-Ягу? В том, что она пила, или в том, что не закусывала?

Иван-дурак и Иван-царевич бурно совещаются.

– Мы полагаем, что сам факт присутствия Бабы-Яги, где бы ни было, наводит наши мысли на размышления, размышления на числа, числа на знаки, знаки на стрелки, а стрелки на оргвыводы.

– Вот! – Воскликает Иван-солдат утвердительно.

– А ваше посещение мадам Бегемотовой, куда должно наводить наши мысли? – Чувствует себя логически озабоченным Шухер Заневский.

– Мы, – молвит Иван-царевич, выкатив грудь – были делегированы на презентацию от комитета финансов, как законодательная (ударение на «дательная») власть. Чем обязана госпожа Бегемотова присутствию на презентации Бабы-Яги, нам никто не объяснил.

– Я одной только водки и выпила, – защищается Баба-Яга. – А вы, как законодательная власть, много чего ещё напробовались, вплоть до пороссячьего визга и срамных искушений.

– Я попрошу почтенное собрание оградить меня от наглых инсинуаций и посягательств на мою депутатскую честь! – Пылает праведным негодованием Иван-царевич.

Верка Махерка, у которой с Иван-царевичем что-то было (и с Иван-солдатом было. И с Иваном-дураком было. А с кем у неё не было?) мстительно плюёт в царевича. Попадает в дурака.

Дураку невдомёк, что предназначалось не ему. Дурак подвинут на справедливости и достоинстве личности, он размахивает руками, целясь Верке в глаз.

Китоврас Полкан, полуконь-полумужик, неизменно засыпающий с началом любого заседания, оттого похожий на античную статую, украшающую зал, вдруг просыпается. Китоврас бодр, свеж, агрессивен. Он лапает Верку за талию, поднимает в воздух, задирает юбку и, с мужским интересом, рассматривает. Верка визжит. За Веркой визжат Марья Моревна, Елена Прекрасная, Василиса Премудрая.

Голов у Змея Горыныча три. Обидчиков тоже трое, по одному на голову. Змей Горыныч умён, он знает, как достичь тактического успеха при минимуме затрат.

Обидчики разобщены. Создание численного перевеса, в конкретной среде, в конкретное время, сводит риск до приемлемого, и гарантирует массу удовольствий, физических и моральных.

– Красный? – сказала первая голова, щербато улыбаясь Ивану-солдату справа.

– Бурый? – спросила вторая голова, ухмыляясь слева.

– Коричневый? – молвила третья, средняя голова, печальная как смысл бытия.

– Чего это? – растерялся Иван-солдат, оглядываясь в поиске союзников.

Тщетно. Иван-царевич вытанцовывает с Бабой-Ягой горячее танго. Баба-Яга лягается, норовит травмировать ему коленную чашечку. Иван-царевич шипит сквозь зубы, но азартен.

Донской атаман громогласно уведомляет « уважаемое собрание», что он сейчас « себя покажет», и засучивает рукава по локоть.

Лих Одноглазый, вперив загадочный взор в генерала Филиппова, молчит. Генерал, подавленный таким пристальным и необъяснимым вниманием, каменеет.

Чудо – Юдо, с уханьем и скрипом тормозных колодок, катается по наклонному проходу вверх-вниз, вниз-вверх. Оно устало заседать и теперь счастливо.

Пользуясь хаосом и суматохой, Иван-дурак оглушает Елену Прекрасную чем-то, определённо, тяжёлым. Обездвиженное тело Иван-дурак подхватывает, взваливает на плечо и быстро уносит из зала.

Председатель Думы, Кошейко Бессмертных скучен. Он страшно утомлён. Каждый день половецкие пляски. Кто сказал, что демократия – это весело? Три дня было весело, потом стало тошно.

Исполняющий обязанности технического регламента, Соловьёв – разбойник смотрит председателю в рот.

3.«Все сопелки рассказаны.
Все гляделки показаны.
Все подонки наказаны.
Посиделки посажены.
Похотелки похочены.
Негодяи унижены.
Кредиторам заплачено.
И герои спят вечным сном.

Все надежды похерены.
Не все задачи решаемы.
Цели часто бессмысленны.
Идеалы окислены.
Дураками написан
Популярный закон»
«Приступайте» – читает Соловьёв Разбойник по мёртвым губам Кошейки Бессмертных.

– Почему столь ценная реликвия хранилась в местном городском архиве?
– Потому, что она всегда здесь хранилась. Никто об этом не догадывался. Даже сам председатель не был уверен.

– Кто посвящён в тайну хранения?
– Я и пресс-секретарь Фима Брускин.
– А вас, кстати, как зовут?
– Разрешите представиться – Дрона Зебрусь.
– Очень приятно.
– Могу показать паспорт.
– Не надо.
– Удостоверение помощника?
– Тоже не надо.
– Тогда, чего же вы ещё хотите?
– Почему вы обратились к нам, а не в службу безопасности?
– Не понял, – удивился Зебрусь. – Фима сказал, что вы и есть наша безопасность, то есть её дочерний офис.

ММ и Штырц переглянулись. Плохо. Очень плохо. Какой-то Фима Брускин знает то, о чём рекомендовано забыть им самим.

– Неужели близок час X? – Возмечтал Штырц.
– Гм. – Сказал ММ.

- Что будем делать?
- Осмотрим место происшествия.

Зал заседания напоминал воронку от авианалёта. Пыль медленно оседала седыми клубами. Звуковая волна ушла в трещины, вентиляционные отверстия и дверные проёмы.

Депутаты, отряхивая куски облетевшей штукатурки, кряхтя и попискивая, восставали из положения «риз».

Соловьёв Разбойник крякнул от удовольствия, расцвёл как плесень на «рокфоре».

– Господа и дамы, – заныл, как запертый в подвале кот, Кощейко. – Попрошу вернуться к повестке дня.

– Возвращаемся. – Согласился генерал Филиппов, приглаживая редкие, вставшие дыбом, волоски на макушке. – А что у нас на повестке дня?

– А безобразия на Старой Муромской дороге. – Сообщил с готовностью школьного ябеды пресс-секретарь Фима Брускин.

– Какие такие безобразия?

– Бандитизм на пару с сепаратизмом.

– Вооружённая оппозиция? Чего хотят?

– Отделиться хотят, и жить как исстари жили – прохожих грабить, баб насиловать, добрых молодцев резать и жрать сырыми.

– Экая мерзость, тьфу, мракобесы! – Сплюнула Баба-Яга.

– Если память мне не изменяет, а она мне не изменяет, то Соловьёв Разбойник месяц назад обещал нам разобраться и навести конституционный порядок. Он сам из тех мест, обстановку и персоналии знает не по наслышке. – Изложил мнение по существу Иван-царевич.

– Я вам кто? – окрысился Соловьёв. – Елисей Бухарин Альый Плащ на волшебном коньке-требуньке, туда-сюда одним поскоком? Или ложкой-долотошкой из тунейдцев на земле узоры выкладываю? Поступит распоряжение свыше, – Соловьёв искоса взглянул на Кощейку. – Пойду, схожу на Муромскую дорогу. Долго ли сходить? Всяко не дольше, чем здесь сидеть.

– Так, что, у нас других ухове́ртов нет? Вот, например, Иван-солдат, ветеран-орденоносец?

– Господа депутаты, я напоминаю вам, что мы строим демократию. В этой связи кандидатура Ивана-солдата не может быть признана удачной. Мы не можем на глазах мирового сообщества позволить Ивану-солдату, в очередной раз, надругаться, за столом переговоров, публично, над общечеловеческими ценностями. Нам необходим гуманизм, мирный процесс

– Ну, если стол переговоров, тогда, конечно, да. Тогда, конечно, лучше Ивана-дурака кандидатуры нет.

– А над какими ценностями позволительно будет мне надругаться? – задумался Иван-солдат вслух. – Так, чтобы мировое сообщество восхитилось, и от восхищения окотилось?

Стали голосовать за Ивана-дурака. Оказалось, что дурака в зале нет. Как нужен, так его, всегда нет.

Стали озираться. Оказалось, что Елены Прекрасной тоже нет.

– Похитили!

С Еленой Прекрасной постоянно так – обязательно её кто-нибудь похищает. Сколько по этому поводу копий и перьев сломано. Сколько крови и чернил пролито. Уже давно должно было бы опостылеть. Нет, находится, понимаешь, новый охотник. Видно, и правда, Судьба дуракам не указ.

– Кто кого похитил? – морщит лоб, как трофейный баян, донской атаман. Не то, чтобы тугодум, но со странностями.

– Иван-дурак Елену Прекрасную?

– Елена Прекрасная Ивана-дурака?

– Да, что вы говорите? – всплёскивает руками Верка Махерка. – А по виду и не скажешь. Такая вся цаца с фабрики алмазных висюлек. То-то подмывало меня борозду на её гладком личике прочертить, от уха до уха.

– Считаю необходимым напомнить почтенному собранию о том, что речь идёт о похищении не просто депутата, что само по себе отвратительно и ужасно, а невесты председателя Государственной Думы.

– Что? Что? – замотал головой Соловьёв, у которого от собственного свиста не то уши заложило, не то мысль запробковалась. – Вы утверждаете, что невесту председателя Госдумы, отца и учителя нашей свободы, спёрли?

– Гм. Ну, если не утруждать себя дальнейшими прениями, то в краткой констатации, факт выглядит именно так, как вы соизволили метко выразиться. Елену Прекрасную спёрли. Первый и единственный подозреваемый это Иван-дурак.

– При чём здесь Иван-дурак? Иван-дурак – лицо подставное. Мы имеем дело с контрреволюционной, хорошо подготовленной и проплаченной провокацией.

– Заговор? Путч? Коммунистическое подполье?

– Требую ввести чрезвычайное положение, комендантский час и бесплатные талоны к мадам Бегемотовой, с 19.00 до 2.00.

– Танков! На площадь! Много!

– Мобилизовать армию, милицию, пожарных, дворников, учителей и этого....

– Кого?

– Не помню, как зовут. В шубе, с бородой, нос синий, за плечами мешок, а в мешке...

– Подарки!

– Да какие подарки! Топор, которым старушку на чёрной лестнице тюкнули.

– Мы власть или кто? Балаган или комедия?

Место происшествия не внушало доверия. Штырец не мог вспомнить ни одного места происшествия, которое внушало бы ему доверие.

– Это здесь?

– Да.

– Ну, и обстановочка!

Обстановочка в антоновском городском архиве была как после ревизии на советской овощебазе. Гнилая была обстановочка, тревожная. Тихо-тихо, муха не вякнет и чем-то пахнет несвежим, тонко-тонко, несвежим столь давно, что из вони уже переквалифицировалось в аромат.

По анфиладе комнат, между стеллажами с документами, директор архива, внушительная дама лет пятидесяти, плывёт как каравелла, гордо задрал нос и корму.

Встречая её взглядом, Штырец услышал, как у него по позвоночнику, от копчика к шее, марширует взвод электрических мурашек.

ММ сопел рядом, как школьник в замочную скважину.

Зебрусь тёр кулаками, прослезившиеся, глаза.

– Что вам угодно, молодые люди? – Спросила Матильда Гаевна так, как обычно это спрашивают рестораторы припозднившихся клиентов.

Матильда Гаевна помнила то время, когда дом дворянского собрания, пережив бурную эпоху в различных статусах, встретил Перестройку под знаменем профсоюзов. Иными словами, члены профсоюза работников торговли и общепита имели здесь, по бесплатной путёвке, стол, кровать и лечебные процедуры.

От профсоюза, когда советская власть приказала долго жить, Матильда Гаевна перешла по наследству в архив.

Матильда Гаевна была дама опытная. Она знала, умела и любила обращаться с «молодыми людьми» любого возраста. К сожалению, последние лет пятнадцать «молодые люди» посещали её весьма редко. Она скучала.

– Я Зебрусь, – взял инициативу на себя помощник пресс-секретаря. – Помните, я был у вас сегодня утром?

Матильда Гаевна бросила снисходительный взгляд на Зебрусья с высоты своего небольшого роста так, что Зебрусь, длинный как баскетболист, почувствовал себя мячиком для настольного тенниса.

– И что? – спросила Матильда грудным контральто.

– А не промочить ли нам чем-нибудь горло? Лично у меня пересохло. – Сказал по этому поводу Штырц.

Нельзя отрицать своеобразие жизненного опыта Матильды Гаевны, но куда ей равняться с опытом Штырца и ММ. Детективы читали Матильду как шифровальную книгу с устаревшим ключом.

Думу колбасило. Левых радикалов пожирала жажда деятельности. Они готовились к немедленному преодолению кризиса, а именно, законодательно обещать каждой корове по седлу, каждому барану по воротам, каждой бабе по мужику, а всем им вместе – право на счастье.

Правые демократы тоже хотели счастья, для чего предлагали отдаться НАТО на сладостные муки садомазо.

Глухой националист, Панкрат Назаров улыбался правым демократам с улыбкой тасманийского аборигена, обнаружившего, что Провидение западной цивилизации и пути местных духов в кои-то веки пересеклись и забросили к его завтраку, на пустынный берег, капитана Джеймса Кука. Панкрат уверял, что ни одна Европа не удовлетворит озабоченных тем садомазо, какое Панкрат изыщет буквально через полчаса, в столичном метро.

Правые демократы стояли на том, что достойны лучшего.

Панкрат отвечал, что лучшее ещё не означает глубины и насыщенности ощущений.

– А я-то вас побалую, – мурлыкал Панкрат. – Изрыдаетесь, изверги!

Случайно или как, Баба-Яга окоротила какого-то хама из масс-медиа, костылём в объектив фотокамеры. Осколки брызнули как взрыв фейерверка.

Про яйцо Матильда Гаевна ничего не слышала. Про комнату, в которой яйцо хранилось, она могла рассказать намного больше, но, увы, её никто об этом не спрашивал.

– Чей кабинет? – Спросил Штырц, разглядывая двуспальную кровать под балдахин, бильярдный стол, барную стойку, сейчас пустую и под слоем пыли, распахнутую стальную дверцу в стене. Под дверцей, стояла, снятая со стены картина «Утро в лесу», которая обычно и маскировала наличие сейфа.

– Здесь? – Спросил ММ.

– Здесь! – Кивнул Зебрусь.

– Ключи?

Дрона Зебрусь суетливо похлопал себя по карманам и, после мгновенного ужаса «потерял?», вспомнил с облегчением. – А ключей нет.

– Как нет?

– Так и не было никогда.

– Зачем тогда сейф, если ключей к нему нет?

– По инструкции.

ММ посмотрел на Дрону с трудно прочитаемым выражением.

– Что? – Съёжился Зебрусь.

– Работать будем, вот что! – Сказал Штырец, вынимая из полевого саквояжа складную лупу. – Пока не закончу осмотр, всем оставаться на своих местах.

Штырец опустился на колени и, уткнувшись носом в увеличительное стекло, медленно пополз от порога комнаты вдоль стены к окну, где обстоятельно изучил горшок с засохшей геранью. Следующим пунктом его следственных изысканий стала кровать. Он надолго застрял под ней, только ноги торчали наружу, подрагивая.

– Как часто вы проверяете объект хранения?

– По инструкции, – отвечал Зебрусь. – Второй вторник каждого второго месяца.

– Сегодня семнадцатое, понедельник, сообщил ММ на всякий случай, если у кого часы спешат. – Потрудитесь объяснить.

– Почему вы так со мной разговариваете? – покраснел Зебрусь. – Вы меня подозреваете? ММ молчал, продавливая психику интеллигента.

– У меня было предчувствие, – оправдывался Зебрусь. – У вас бывают предчувствия?

ММ пожал плечами и сказал, – Предчувствия к делу не пришьёшь.

– А у меня доказательства есть, – возрадовался Дрона тому, что вовремя вспомнил о столь важной вещи. – Сейчас найду! – заторопился он, роясь в одежде.

Удивительно, как в таком, на вид непритязательном, гардеробе можно сокрыть весьма основательные улики.

– Что это? – брезгливо поморщился ММ на, протянутый ему Дроной, мятый, бледно – жёлтого цвета конверт в пятнах масла, которые, при дальнейшем изучении, оказались отпечатками чьих-то пальцев.

– Ваши? – спросил ММ про отпечатки.

– Что вы! – энергично замотал головой Зебрусь.

– Не ваши? Тогда чьи?

– Того кто писал.

– А кто писал?

– Доброжелатель писал.

– Ваш друг, товарищ по партии?

– Я не знаю. Вы прочитайте, пожалуйста. Вы поймёте.

– А что вы волнуетесь? Конечно, прочитаю. Не за этим ли вы меня пригласили? – Подчеркнул ММ.

«Хроники Самоцветья. Часть вторая. Глава пятая.

За день до тех событий, которые позднее получили имя Ночи Битого Хрустала, цены на яйца на Ежеловеловской ярмарке и окрестностях подскочили в тридцать три раза. За куриное давали серебряный рубль, за утиное два. За яйцо крокодила, что привёз купец Журавейник из Индии, было заплачено неизвестным покупателем, через посредников, девять золотых с полтиной».

« PS. Есть сведения, что антоновская птицефабрика на грани остановки, из-за эпидемии птичьего гриппа. Доброжелатель».

– Что-то я ничего не понял, – сказал ММ.

– И я тоже ничего не понял. Получил конверт вчера вечером, прочитал, подумал « чья-то глупая шутка, розыгрыш». А как лёг спать, так в голове и завертелось «Что? Почему? Как?». Ночь проворочался, глаз не сомкнул, а утром, часов в шесть, как осиновым клином осенило. Вскочил и бегом сюда. Три часа на крыльце прокуковал, ждал открытия, – Зебрусь с укоризной оглянулся через плечо на Матильду Гаевну. Матильда Гаевна Дрону не слышала. Матильда Гаевна зачарованно наблюдала, дрожащие из-под кровати, ноги Штырца.

Кошейко Бессмертных сидит в кресле председательском как чушка чугунная. Ни одной вразумительной мысли во взгляде, ни одного раздельного звука на устах, только нос сопит

обиженно. Видать крепко его хватил новый удар судьбы, до самого корневища просушил. А ведь Кошейко ещё не знает главного, сидит, сопит и не моргает.

Соловьёв Разбойник ему и так знаки подаёт и эдак. В упор не видит Кошейко своего верного слуги.

Между тем, уважаемое собрание совсем распоясалось, депутатскую неприкосновенность трактует по собственной испорченности. «Я кому хошь могу в морду дать, даже прокурору. А мне дать обратно, в морду, нельзя, потому как я народный избранник, лицо сверхгосударственного значения». «А депутат депутату может в морду? Да и не в одну морду, а и вообще, в торец, например?». «А давайте устроим гладиаторские бои неприкосновенных персон. Вы на кого ставите?».

Шухер Заневский, человек парадоксальных достоинств и параноидальных недостатков, выбегал куда-то звонить, вернулся, высекая искры из воздуха. – Братцы! – обратился он к уважаемому собранию. – Я знаю, где Иван-дурак и Елена Прекрасная. Предлагаю назначить денежное вознаграждение за голову каждого в размере двух миллионов долларов.

Независимый депутат Сопрыкин возмутился было тем, что демократические ценности подменяются меркантильными интересами оргпреступности.

– А вы находите разницу? – искренне удивился Шухер Заневский.

– Я протестую! – разволновался Сопрыкин. – Как такое возможно?

– А ничего тут невозможного, – сказал Шухер, достал ножик и потребовал у Сопрыкина удостоверения демократических ценностей.

Оказалось, что Сопрыкин любит жизнь не меньше, чем идеалы и, даже, больше, чем депутатский мандат.

– So! – сказал Штырец. Из-под кровати он вылез как горнопроходчик, чумазый и слегка шальной. Наглотался чего-то. Газов каких?

– Рассказывай! – попросил ММ.

– О! – сказал Штырец, щёлкнул пальцами и предъявил полиэтиленовый пакет, внутри которого кольцами свивался длинный толстый рыжий волос.

Бум!

Звук для архива привычный. Так падают на пол из рук тяжёлые папки. Но, сейчас, в обморок хлопнулась Матильда Гаевна.

По приведению Матильды Гаевны в чувства, на её допросе, выяснились следующие три обстоятельства.

Обстоятельство первое. В бытность Матильды Гаевны на профсоюзной работе, с этой комнатой и с этой кроватью, связаны у Матильды многие сентиментальные воспоминания. Рыжий волос вызвал выброс эмоций, с которым Матильда не справилась.

Обстоятельство второе. День назад в архив наведалься странный тип, по имени Игорь. Представился он, как доверенное лицо какого-то барона.

Беседовал Игорь с Матильдой долго. Матильда так и не поняла о чём. В какой-то момент она вдруг обнаружила, что спит.

Возможно, Игорь владеет методом гипноза. Полтора часа времени выпали из жизни Матильды так, что она не знает, что Игорь делал, пока она спала и когда ушёл. Внешность Игоря также стёрлась из памяти Матильды.

Обстоятельство третье. Доброжелатель в городе Антон один. Доброжелателей, конечно, везде и всегда избыток. Профессионалов мало. В Антоне один. Он давно достал своими опусами местную администрацию и областное отделение общества «Мемориал». Зовут его....

– Я должен позвонить Фиме Брусникину! – звенел от напряжения Дрона. – Фима должен всё знать.

ММ и Штырц душили Дрону миазмами скепсиса.

– Если произойдёт утечка, это сильно осложнит наши поиски. – Грозил Штырц.

– Клянусь, пресса ничего не узнает.

– Гм. А разве, ваш Фима не работает пресс-секретарём? Вы сами об этом говорили.

– Говорил. Но Фима и пресса – не одно и то же. Я бы, даже, сказал, что они антагонисты.

У Фимы задача что-нибудь скрыть. У прессы задача, это что-нибудь разноухать.

– Вот-вот, именно, что разноухать.

– Максим! – сказал Штырц. – Пусть звонит.

Едва Зебрусь убегал к телефону, Штырц наклонился и шепнул ММ в ухо. – Сдаётся мне, что всё-таки это план X.

ММ подумал, подумал и ничего не сказал. Он ещё сомневался.

Фима Брускин пребывал в фазе неопределённого взросления. Уже не мальчик, ещё далеко не муж, зачастую ребёнок, и, даже, иногда, лялька. Пожилая такая лялька, у которой вчера отобрали соску, а сегодня обещали вернуть.

Звонок друга привёл Фиму в буйный восторг, близкий к помешательству.

– Дрон, это бомба! Это мегабомба! Бомбище! Всем бомбам бомба! – Воскликнул Фима, захлёбываясь то ли от радости, то ли от ужаса. – Слушай, Дрон, пока ничего не вышло за пределы Думы, я тебе первому, по секрету, расскажу!

Семён Расплюев пил. Белое в чёрную и чёрную набело. «Нельзя мешать» – говорили мудрые люди из детской песочницы во дворе. Семён не послушал мудрых людей. Ему стали являться ангелы, духи, риэлторы, участковый и черти – парами. Лысый, в трусах боксёрах и бабочкой на шее. Синий – в бикини и с розовыми бантами на рогах. Они играли в карты и на губной гармошке, трясли бумагами, чего-то хотели. Семён улыбался, кивал головой, соглашаясь на всё, и засыпал с, широко открытыми, глазами.

Где-то, в этой длинной и разнообразной череде посетителей, затесался любимый артист из любимого кинофильма.

– Вы Тихонов? – спросил Семён кумира детства. – Или вы Штирлиц?

– Я Максим Максимович, а вы – Расплюев?

Уважительной причины отказываться у Семёна не было.

– Да, я Расплюев, а в чём дело?

– Вы писали? – Спросил Штырц, выступая из-за спины ММ.

– Здравствуйте, а вы кто?

– А я Тихонов.

– Товарищ Тихонов! – расплылся Семён. – Я вас люблю! – но тут же нехорошее подозрение омрачило его чувства. – А почему вас двое?

– Потому что третий прийти не смог. – Ответил Штырц.

– Как? – расстроился Семён.

– Вот так! – развёл руками Штырц. – Хочешь быть третьим?

– Хочу!

– Каллиграфия знакома?

– Филькина грамота! – узнал Семён, приглядевшись. – Письмо моё, слова не мои.

– А чьи, народные?

– Почему народные? Филькины. Я же говорю – Филькина грамота. Вы, товарищ Тихонов, чем слушаете?

– Ушами. – Сказал Штырц. – А Филька, это кто?

– Филька – это я! – вклинился в беседу лысый бес, довольный интересом к его особе. – Я Филька! Филька – это я!

– Зер гут! – сказал Штырц. – Значит, вы автор этой записки?

– Сейчас посмотрю. – Молвил бес, шурясь. – Простите, у меня проблема со зрением. Я плохо вижу вблизи.

Под брюхом у беса ридикиоль. В ридикиоле кладбище, когда-то полезных и нужных, предметов.

Старинный монокль, с закопчённым до черноты, стеклом долго, не имея практики, устраивался бесу на глаз. Долго бес пялился слепым стеклом в масляную бумагу, беззвучно шевеля толстыми губами. Наконец, бес загрузил. – Увы, уважаемые, ничего не получается. Наверное, я читать не умею.

Штырц был терпелив и снисходителен, озвучил эпистолау вслух. – Вы внимательно слушали? Дважды повторять не буду. Ваш текст? Что он означает?

– Откуда я знаю? – удивился Филька. – Что я вам, загадки нанимался отгадывать? Вы видите смысл в том, что прочитали? Лично я – нет!

Штырц помолчал, созерцая беса как госнаркоконтроль коноплю. Потом, без предупреждения, заутюжил сыщик бесу кулаком в моську. Кубарем отправился бес, по наклонной траектории, в узкий зазор сознания Семёна Расплюева и объективной реальности.

– Ай, да Тихонов! – возликовал Семён. – Ай, да сукин сын!

– Вы не представляете, что я вам сейчас скажу! – вернулся, распираемый новостями, Дрона Зебрूसь.

– Разрешите, угадаю. Яйцо нашли на железнодорожном вокзале, в меню ресторана быстрого питания? – съязвил Штырц.

– Да? – удивился Дрона, словно ударился грудью о бетон, и весь воздух из него вышел.

– Он шутит. – Успокоил Дрону ММ. – Что у вас, выкладываете?

– Он, правда, шутит?

– Конечно. Он всегда шутит. Человек такой весёлый. Судьба тяжёлая, а человек весёлый.

– Да? А по лицу не скажешь.

– По лицу? Вы в лицо ему не смотрите. Насмотрите чего-нибудь, от чего потом в петлю полезете.

– Да? – испугался Зебрूसь. Дрона отвёл глаза от Штырца, но, после короткой паузы раздумья, озарился улыбкой робкой надежды. – Нет, вы меня разыгрываете.

– Я? Никогда! Я даже в общественную баню не хожу, потому что шутить не умею. Ну, так, что у вас?

– У меня?

– Вы что-то хотели нам рассказать.

– Ах, да, верно! Я дозвонился до Фимы Брускина. Фима это пресс-секретарь...

– Председателя Госдумы. Мы помним, вы уже говорили.

– Да?

– Да!

Зебрूसь потрогал себя за нос, настроился на деловой лад. Дрона человек обычный и натура у него не порочнее прочих. Взглянуть на Штырца теперь, после слов ММ, страшно, и, оттого, хочется вдвойне. Он смотрит на ММ и отчаянно косит на Штырца.

– Фима сказал, что он в шоке. Невесту Кошейки Бессмертных, Елену Прекрасную вынесли прямо из зала заседаний.

– Санитары? – Спросил Штырц.

– Почему санитары? – Не понял Дрона.

– Значит, неизвестные?

– Почему «неизвестные»? Очень даже известные. Иван-дурак. Вы всё ещё не верите, что это заговор? Яйцо украли, Елену похитили!

Штырц и ММ отошли в сторону.

– Если это план X, то в нём слишком много допущений. – Покачал головой ММ.

– Тем он и хорош. Чистая импровизация, живое творчество масс.

– Мой человек, Игорь, был у вас неделю назад. Помните?

– Игорь, Игорь. – Задумался Саша Пеночкин, генеральный директор кооперативной лавочки «Товары и услуги. Нет ничего невозможного».

– Маленький такой, горбатый, с длинным носом.

Саша Пеночкин лгал. Он отлично помнил «маленького, горбатого» и его необычный заказ. У местного истеблишмента и фантазия скудна и финансы поют романсы. Саша Пеночкин набивал цену. Вот, мол, завален работой, где ему всех клиентов упомянуть.

– Я Бальзам Ополаскиватель.

– Кто? – Опешил Саша.

– Бальзам – имя. Ополаскиватель – фамилия.

– Первый раз встречаю человека... – растерянно пробормотал Саша. Ну, «Бальзам». Ну, предположим. Графа Калиостро тоже звали Бальзам или Бальзамо, не важно. Но, «Ополаскиватель»?

– Плачу наличными и в валюте. – Прописал лечение Сашиному склерозу Бальзам.

– Конечно, конечно! – Засиял Саша. – Игорь. Такой маленький, горбатенький, с длинным носом. Один глаз рыженький, другой стеклянный. Как же, как же. Отлично помню. Специфический заказ, сложный. Пришлось побегать, попотеть. Институт Мозга и Сна, знаете ли, режимное предприятие. Я бы, даже, уточнил – старорежимное предприятие.

– Вы достали? – Терял терпение Бальзам.

– Э, э.

– 10 тысяч американских долларов, здесь и сейчас.

– Э.

– 15.

– Э.

– 15. – повторил Бальзам.

– Да, – треснул Саша. – Достал. Но деньги вперёд.

– Я могу быть уверен, что это именно то, что я заказывал?

– Товар с документами. На документах подлинные печати и подписи.

– Покажите.

– Э.

– Документы покажите.

Ворох старых бумаг Бальзам понюхал, послунял, отгрыз уголок, пожевал, ворочая скулами как камнедробилкой.

Пожевал, проглотил, прислушался к ощущениям. Верно, подлинник. Вон, как желудок забеспокоился, заохал, завертелся. Ничего, лентяй, поскрипит, поскрипит, да к обеду управится.

15 тысяч упали на стол перед Сашей со звуком шмеля, что накушался нектара выше взлётной возможности.

Осторожность, рассудок, остатки гордости и достоинства согнулись под их тяжестью с угодливостью пружин старого дивана.

Бальзам глазом моргнуть не успел, как Саша смахнул деньги рукавом со стола в невидимый схрон. Может быть, в ящик стола?

Улыбаться Саша не умел. Не улыбка у него была, а судорога, словно зубами лёг на булыжник. – Одну минуточку, – сказал он и полез под стол. Под столом у Саши был сейф.

Фима Брускин истомился в борьбе внутренних противоречий. Его распирало желание немедленно поделиться с кем-нибудь новостью от Дроны, но долг гражданина и пресс-секретаря взывал к необходимости сохранять секрет. По крайней мере, до того, как о нём узнает сам Кощейко Бессмертных.

Обязанность же сообщить Кощейке о его очередной неприятности, Фима предпочёл бы оставить тоже кому-нибудь другому. К сожалению, никого другого, кто добровольно взялся бы исполнить эту обязанность, Фима не знал.

Будучи человеком, особо приближённым, Фима знал закулисы того, как делается такая чудовищно прекрасная вещь как демократия и знал, кто есть по существу вождь, учитель и отец свободы. Фима своего начальника боялся.

– А сочиню я ему служебную записку, – осенила Фиму спасительная идея. – Возьму выборку из сводки происшествий МВД за сутки. Сделаю вставку, где-нибудь ниже перестрелки банд милиционеров с бандами эксгибиционистов, но выше столкновения гей-парада с маршем «голодных кастрюль», и подсуну перед обеденным перерывом. Кощейко любит нагонять аппетит чтением или созерцанием кровавых соплей.

– Это что? – Спросил Бальзам, правым глазом проникая мутные глубины, широкой как ведро, стеклянной банки, левым глазом выжигая на лбу Саши какое-то нецензурное слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.